

Айседора Дункан (вторая жена Есенина)

Прежде чем покинуть Лондон в июле 1921 года, Айседора Дункан нанесла визит с несколькими друзьями в дом к одной модной гадалке, которая сказала ей: "Вы собираетесь совершить длительное путешествие в страну под бледно-голубым небом. Вы будете богаты, очень богаты. Я вижу миллионы и миллионы, и даже миллиарды, лежащие вокруг. Вы выйдете замуж..."

Тут Айседора непочтительно расхохоталась прямо в лицо предсказательнице и отказалась слушать дальше подобный вздор. Когда она прибыла в Россию, страну бледно-голубого неба, она обнаружила, что курс рубля упал так низко, что даже для того, чтобы купить один коробок спичек, надо истратить сумму в рублях, доходящую до астрономических чисел. В этом смысле Айседора бывала миллионершей многократно. И вот, как бы во исполнение последней части предсказания, она в начале ноября встретила молодого человека, за которого позже вышла замуж: Сергея Александровича Есенина...

В октябре 1921 года Айседора явилась на чаепитие в студию известного художника Георгия Богдановича Якулова на Большой Садовой. Она была в своей стихии в этой богемной компании и только рада была принять приглашение. Она появилась в студии Якулова после полуночи. Друг Есенина поэт и беллетрист Анатолий Мариенгоф, который был там, описывает ее появление и то, что за этим последовало:

"Красный, мягкими складками льющийся хитон; красные, с отблесками меди, волосы; большое тело, ступающее мягко и легко. Она обвела комнату глазами, похожими на блюдца из синего фаянса, и остановила их на Есенине. Маленький, нежный рот ему улыбнулся. Изадора легла на диван, а Есенин у ее ног. Она окунула руку в его кудри и сказала: "Золотая голова!" Было неожиданно, что она, знающая не больше десятка русских слов, знала именно эти два. Потом поцеловала его в губы. И вторично ее рот, маленький и красный, как ранка от пули, приятно изломал русские буквы: "Ангел!" Поцеловала еще раз и сказала: "Тшорт!" В четвертом часу утра Изадора Дункан и Есенин уехали..."

В один из декабрьских вечеров Есенин привел своего друга Мариенгофа к Айседоре. Их провели в ее личные покои. Видя удивленные взгляды гостей, рассматривавших комнату, она сказала, как пишет Мариенгоф:

"- Плохая комната... плохая... Я куплю много, много косынок, русских шалей..."

На столике перед кроватью - большой портрет Гордона Крэга. Есенин берет его и пристально рассматривает.

- Твой муж?

- Да... был... Крэг пишет, пишет, работает, работает... Крэг гений.

Есенин тычет себя пальцем в грудь:

- И я гений!.. Есенин гений... гений!.. Я... Есенин - гений, а Крэг - дрянь!

И скроив презрительную гримасу, он сует портрет Крэга под кипу нот и старых журналов:

- Адью!

Изадора в восторге:

- Адью! - и делает мягкий прощальный жест.

- А теперь, Изадора, - и Есенин пригибает бровь, - танцуй... понимаешь, Изадора?

Нам танцуй!

Он чувствует себя Иродом, требующим танец у Саломеи.

- Тансуй? Бон!

Дункан надевает есенинские кепи и пиджак. Музыка чувственная, незнакомая, беспокоящая. Апаш - Изадора Дункан. Женщина - шарф. Страшный и прекрасный танец.

Узкое и розовое тело шарфа извивается в ее руках. Она ломает ему хребет, беспокойными пальцами сдавливая горло. Беспомощно и трагически свисает круглая шелковая голова ткани. Дункан кончила танец, распластав на ковре судорожно вытянувшийся труп своего призрачного партнера.

Есенин впоследствии стал ее господином, ее повелителем. Она, как собака, целовала руку, которую он заносил для удара, и глаза, в которых чаще, чем любовь, горела ненависть к ней.

И все-таки он был только партнером, похожим на тот кусок розовой материи - безвольный и трагический. Она танцевала. Она вела танец".

Дом Айседоры всегда был полон пестрой толпой русской богемы - поэтами-имажинистами, художниками, скульпторами вроде Коненкова, музыкантами, декораторами и т.п. Есенин вечно куда-то спешил, на какие-то таинственные свидания, на которые он боялся опоздать. Из-за этой его ненормальной привычки Айседора преподнесла ему в подарок прекрасные тонкие золотые часы. Она надеялась, что, имея точное время в кармане жилета, он перестанет без конца вскакивать и убегать неизвестно куда.

Мариенгоф говорил: "У Сергея Тимофеевича Коненкова все человечество разделялось на людей с часами и людей без часов. Определяя кого-нибудь, он обычно буркал:

- Этот... с часами.

И мы уже знали, что если речь шла о художнике, то рассуждать дальше о его талантах было бы незадачливо.

И вот, по странной игре судьбы, у самого что ни на есть племенного "человека без часов" появились в кармане золотые, с двумя крышками и чуть ли не от Буре.

Мало того - он при всяком новом человеке стремился непременно раза два вытянуть их из кармана и, щелкнув тяжелой золотой крышкой, полюбопытствовать на время.

В остальном часы не сыграли предназначенной им роли. Есенин так же продолжал бегать от мягких балашовских кресел на неведомые дела и загадочные, несуществующие встречи.

Иногда он прибежал на Богословский с маленьким сверточком.

В такие дни его лицо было решительно и серьезно. Звучали каменные слова:

- Окончательно... так ей и сказал: "Изадора, адьо!"

В маленьком сверточке Есенин приносил две-три рубашки, пару кальсон и носки. На Богословский возвращалось его имущество.

Часа через два после появления Есенина с Пречистенки прибывал швейцар с письмом. Есенин писал лаконичный и непреклонный ответ. Еще через час нажимал пуговку звонка секретарь Дункан - Илья Ильич Шнейдер. Наконец к вечеру являлась сама Изадора.

У нее по-детски припухали губы и на голубых фаянсовых блюдцах сверкали соленые капельки. Она опускалась на пол около стула, на котором сидел Есенин, обнимала его ногу и рассыпала по его коленям красную медь своих волос: "Ангел!"

Есенин грубо отталкивал ее сапогом.

- Пойди ты к... - и хлестал заборной бранью. Тогда Изадора еще нежнее и нежнее произносила:

- Сергей Александрович, лублу тибья".

И всегда это кончалось одним манером: Есенин брал свой небольшой сверток и уходил с ней.

Он был капризным, упрямым маленьким ребенком, а она была матерью, любящей его до такой степени, что смотрела сквозь пальцы и прощала все его вульгарные ругательства и мужицкое рукоприкладство. И сцены любви и счастья обычно следовали за сценами пьянства и побегов с Пречистенки.

Все это продолжалось до февраля, когда Айседора получила предложение из Петрограда приехать и дать там несколько представлений. Она спросила Сергея Александровича, не хотел бы он поехать туда с ней. Он, будучи в одном из своих благодушных периодов, с радостью принял предложение, и они вместе отправились на север.

Однако прежде чем они уехали в Петроград, "человек с часами" внезапно превратился опять в "человека без часов". Однажды ночью, после того как его друзья немилосердно дразнили его по поводу его "обручального подарка" - аристократических золотых часов, он пришел в комнату Айседоры и отдал их ей назад. Он отказался принять их. Она сказала ему, что, если он действительно ее любит, он должен взять часы, невзирая на глупых друзей и их эксцентричные богемные идеи. И не просто взять, но также и вставить в корпус ее фото. Она дала ему одну из своих фотографий для паспорта.

"Не часы. Изадору. Снимок Изадору!" Он был простодушно восхищен этой мыслью и положил часы со снимком обратно к себе в карман. Но спустя несколько дней, в

приступе ярости по поводу чего-то, ему не понравившегося, он запустил часами в другой конец комнаты с концентрированной силой тренированного дискобола. Когда он в бешенстве покинул комнату, Айседора медленно побрела в противоположный угол и горестно посмотрела на осколки расколовшегося стекла и раздавленный корпус с его поломанным безмолвным механизмом. И из груды хрупких осколков она подняла свое улыбающееся изображение.

Прибыв в Петроград, они пошли в гостиницу "Англетер", где Айседора по своему обыкновению сняла лучший номер. (Именно в спальне этого номера поэт через несколько лет покончил с собой.) И только они устроились, стало являться, как всегда, множество друзей засвидетельствовать свое почтение.

Винные погреба в гостинице "Англетер" славились и торговали всеми лучшими довоенными марочными винами в неисчислимых полулитровых, литровых и двухлитровых бутылках. Есенин скоро обнаружил этот факт и скоро обнаружил также, что за путешествие с Айседорой он имеет как бы некий куш: он был волен заказывать все, что хотел и когда хотел. В результате Айседора, возвращаясь с концертов, заставляла его перед богатой коллекцией пустых винных бутылок. И не единожды за время их пребывания в "Англетере" его приходилось силком тащить в его комнату с помощью коридорных, которые заставляли его, разгуливающего совершенно голым или буйствующего в холлах гостиницы.

В марте 1922 года после возвращения из Петрограда в Москву Айседора стала испытывать нарастающее беспокойство. Она почувствовала, что должна на какое-то время уехать из России. Это было необходимо по двум причинам: состоянию ее здоровья и финансовому положению школы. Она поняла, что единственным способом достать денег в необходимом количестве было бы турне по другим странам и, если возможно, с участием группы лучших учениц, чтобы показать свои новые работы.

На следующий день после майского праздника "Айседора Дункан, артистка, и Сергей Александрович Есенин, литератор", как гласило официальное свидетельство, сочетались браком в Московском отделе записи актов гражданского состояния. Айседоре хотелось вывезти Есенина из России, показать ему всю Европу с ее красотами и Америку с ее чудесами. Но если она могла поехать со своим белокурый поэтом в Германию, Францию или Италию, снимая лучшие номера в разных "Адлонах" и "Ритцах", принимая элиту интеллектуального мира и не опасаясь, что кто-нибудь задаст неуместный вопрос о наличии свидетельства о браке, то она знала также по своему прошлому опыту, что жизнь не столь идеально проста в американских Штатах, а хозяева тамошних отелей более склонны к вмешательству в личную жизнь постояльцев.

Итак, ради мирного и плодотворного турне по "Стране Свободы" ("Пусть звенит Свобода!") Айседора Дункан прошла через формальность советского бракосочетания и подписалась в официальных бумагах как Айседора Есенина-Дункан.

Что касается способа выезда из страны, то она решила, что это достопамятное свадебное путешествие должно быть совершено воздушным путем.

- Между прочим, - сказали ей друзья, - вы бы лучше написали завещание, прежде чем пускаться в эту авантюру.

- Чуть! - ответила она. - Я никогда в жизни не писала завещания.

Но, взглянув на своего молодого мужа, она передумала. Достав из стола малюсенький блокнот, в котором большинство страниц было вырвано, она торопливо написала карандашом: "Это мое последнее желание и завещание. В случае моей смерти я оставляю всю мою собственность и имущество моему мужу, Сергею Есенину. В случае нашей одновременной смерти это имущество остается моему брату Августину Дункану."

Есенин довольно быстро сориентировался в Берлине и наладил контакты с соотечественниками. Вскоре после приезда он не только стал общаться с великим Горьким и не столь великим Кусиковым, но и устроил публичное чтение своих стихов. Его стихи имели такой успех, что тут же было договорено о выпуске однотомника в Берлине. Благодаря Айседоре он позже вступил в переговоры с одним бельгийским поэтом в отношении отбора своих стихов для перевода на французский язык и возможности публикации за счет Айседоры в русском издательстве в Париже. Сборник должен был иметь довольно подходящее название: "Исповедь хулигана".

Но какую необыкновенно поэтичную исповедь мог бы рассказать этот хулиган о том, как в один прекрасный день в Берлине, придя в гостиничный номер и найдя свою жену рыдающей над альбомом, в котором были портреты ее незабвенных Дейдре и Патрика (ее детей, трагически погибших в 1913 г. в Париже), он безжалостно выхватил его у нее и, швырнув в огонь, заорал в пьяной злобе, держа ее сзади и не давая спасти драгоценную память: "Ты слишком подолгу думаешь об этих... детях!"

Из Парижа танцовщица и ее муж поехали в Венецию и прожили там некоторое время в самом фешенебельном отеле на ультрафешенебельном Лидо. Когда сезон там закончился, они вернулись в Париж, чтобы подготовиться к своей поездке в Америку. В конце сентября Айседора и ее муж отплыли в Нью-Йорк. Через четыре месяца, утомленная ведущейся против нее кампанией в печати, обеспокоенная состоянием душевного и физического здоровья ее мужа, которого его достойный сожаления опыт с контрабандным спиртным отнюдь не улучшил, Айседора приняла решение покинуть Америку.

Возвращение в Париж, в Европу - это было уж слишком для Есенина. Он сразу же попытался утопить все свои воспоминания об Америке в вине, или, скорее, в водке. Но алкоголь, поглощаемый с его славянской неумеренностью, вместо того чтобы приносить забвение, пробуждал всех его демонов. Подобно маньяку он ворвался однажды ночью в свою спальню в отеле "Крийон" и сокрушил вдребезги все зеркала, рамы и двери. С трудом он был усмирен полицией и доставлен в ближайший участок.

С каким ликованием американские газеты в Париже ухватились за эту сенсационную новость! Как изощрались они в фантастических подробностях! Но Айседора выступила как преданная защитница своего мужа. В американских газетах, издаваемых в Париже, "Трибюн" и "Геральд", было напечатано ее письмо: "...Я знаю, что в обычаях американской журналистики делать посмешище из чужих бед и несчастий, но, поистине, молодой поэт, который с восемнадцати лет знал только ужасы войны, революции и голода, заслуживает скорее слез, нежели насмешек. ...Я вывезла Есенина из России, где условия его жизни были чудовищно трудными, чтобы сохранить его гений для мира. Он возвращается в Россию, чтобы сохранить свой рассудок, и я знаю, что многие сердца по всему миру будут молиться со мной, чтобы этот великий и наделенный богатым воображением поэт был бы спасен для своих будущих творений, исполненных Красоты, в которой мир столь нуждается".

После своего первого выступления в Париже в зале "Трокадеро" 27 мая 1923 года Айседора устроила прием для нескольких своих близких друзей - небольшой группы артистов и поэтов. Есенину это общество пришлось не по вкусу, и он удалился в свою комнату. Позже, когда кто-то играл сонату Бетховена, он ворвался туда с дикими глазами и взъерошенными волосами и заорал по-русски: "Банда надутых рыб, грязные половики для саней, протухшие утробы, солдатское пойло - вы разбудили меня!" И, схватив канделябр, он швырнул им в зеркало, которое посыпалось на пол. Несколько мужчин постарались справиться с брыкающимся неистовым мужиком, а один из слуг позвонил в ближайший комиссариат. Вскоре прибыли на велосипедах четверо ажанов, и Есенина вынесли, тихо бормочущего на ломаном французском языке: "Хорош полиция... Идти с вами!"

На следующее утро Айседора по совету своих друзей занялась хлопотами о перевозке своего мужа из полицейского участка в психиатрическую больницу. Друзья Есенина говорили позже, что танцовщица позволила бросить своего несчастного мужа в простой сумасшедший дом. Но, принимая во внимание, что эта больница была чрезвычайно дорогим частным заведением и что среди многих ее знаменитых пациентов в тот момент был Пьер Луис, автор "Афродиты", такое обвинение следует признать абсурдным и лживым. Поведение Айседоры, при всей сложности обстоятельств ее отношений с Есениным, характеризовалось преданностью, терпимостью и великодушием в любви.

Через некоторое время Айседора решила, что ничего не остается делать, кроме как распродать обстановку на улице де-ля-Помп, сдать дом на длительный срок и вернуться в Россию с Есениным, вышедшим из лечебницы.

Пятого августа 23-го года Айседора Дункан и Сергей Есенин прибыли в Москву. Они были в отъезде около пятнадцати месяцев. Сойдя с поезда, она выглядела усталой и

озабоченной, но была очень рада, что добралась до финала своей чрезвычайно утомительной задачи: она привезла назад своего поэта, как она обещала себе, туда, откуда он был родом и где он был своим.

Предмет ее внимания и забот спускался нетвердой поступью из вагона. Он был пьян, и, возможно, в такой же степени от чрезмерного эмоционального возбуждения, вызванного фактом возвращения в Россию, как и от действия непрерывного потока водки, который вливался в его патриотическую глотку с момента пересечения им границы его родной страны. И в своей буйной радости он перебил все окна в вагоне...

Когда они приехали на Пречистенку, он бросил ее там и ушел, и о нем не было ни слуху ни духу более трех дней.

Каждое утро Айседора говорила: "С ним точно что-то случилось. Он что-нибудь себе повредил. Он попал в аварию. Он где-нибудь заболел". И каждую ночь после тревожного дня ожидания и надежд она говорила: "Так больше продолжаться не может. Это конец!"

После трехдневного ожидания она решила уехать куда-нибудь подальше от Москвы и отдохнуть хотя бы остаток летнего сезона. Она пошла и купила два билета на поезд, отходящий на Кавказ нынче же ночью. Решив, что есенинский период в ее жизни закончился, с чувством облегчения она начала упаковывать свои чемоданы. Горничная осталась в Париже, и Айседора позвала свою любимую ученицу Ирму, которая должна была ехать с ней, оказать ей дружескую помощь. Укладывая разные вещи, необходимые для поездки, Ирма вскоре обнаружила, к своему удивлению, сколь скудным было белье ее учительницы: у нее не было даже ночной рубашки! Что касается ее ящиков с одеждой, они были практически пусты. Там было лишь немного платьев, в которых она уезжала из России. В ответ на вопрос Айседора печально улыбнулась и сказала:

"Да, у меня нет ничего. Все новые вещи, что я покупала в Нью-Йорке и в Париже, исчезали вскоре после того, как я их покупала. Сначала я подумала, что это горничная. Затем однажды я случайно обнаружила, что новое черное платье от "Фортюн", которое доставили за несколько дней до того на улицу де-ля-Помп, оказалось в одном из новых чемоданов Есенина. Одно за другим все мое белье, по-видимому, испарялось из ящиков комода. А уж что до моих денег..." И слишком красноречивый жест досказал остальное.

"Что ж, - сказала Ирма, - в таком случае остается сделать только одно: открыть чемоданы и взять оттуда, что принадлежит вам".

"О! - вскричала Айседора с трагическим, испуганным видом. - Мы не должны этого делать. У него мания, что кто-нибудь прикоснется к его чемоданам. Он много раз грозился застрелить меня, если я посмею заглянуть в них. И я знаю, что в одном из них он держит заряженный револьвер. Нет-нет, мы не должны прикасаться к чемоданам".

Но друзья Айседоры вскоре подобрали ключ к самому большому чемодану, и он был в момент открыт, обнаружив свое пестрое содержимое. Пока разнообразные ключи и всякие острые инструменты безуспешно подбирали к прочим чемоданам и сумкам и кого-то уже послали за опытным слесарем, Ирма, сидя на полу студии, занималась наскоро тем, что вырезала выкройки для ночных рубашек из отреза толстого парашютного шелка, которым было покрыто содержимое открытого чемодана. Кроме этого полезного материала там был также целый арсенал для коммивояжера по парикмахерским принадлежностям: дорогое мыло в коробках и отдельными кусками, флаконы с туалетной водой, лосьонами, бриллиантином, тюбики зубной пасты и мыльного крема, большие и малые флаконы всевозможных духов, пакеты с лезвиями для безопасной бритвы. Это все были, без сомнения, будущие подарки, которые должны были поразить родных и друзей поэта. Можно было себе представить, что в других неоткрытых чемоданах и сундучках содержались запасы товаров, полученных на долларовые счета и украденных у Айседоры в Америке и Франции. Позже поэт притащил целую коллекцию чемоданов в дом друзей. Он без конца говорил им, таинственно прикладывая палец к губам:

"Мои чемоданы! Никому не давайте прикасаться к ним. Никого не впускайте. Знаю я их - с гвоздем в кармане ходят!"

Эта мания насчет чемоданов дошла у него до такой степени, что, когда бы он ни встретил на улице своих друзей, он тут же устраивал странную церемонию. Прежде чем поздороваться, он обнюхивал их сверху донизу, чтобы убедиться, не пользовались ли они его духами или лосьонами. Успокоившись на сей счет, он затем подвергал тщательному

осмотру их воротнички и глядел вниз на их лодыжки, дабы удостовериться, что никто из них не надел какого-либо из его галстуков или пары его дорогих шелковых носков!

Действительное содержимое всех остальных драгоценных чемоданов осталось навсегда неизвестным, потому что как раз в то время, когда слесарь трудился над необычными замками, с какими он раньше никогда не сталкивался, Есенин ворвался в комнату. Айседора, забыв всю свою решимость прекратить с ним отношения, бросилась к двери с распростертыми объятиями, крича: "Сергей! Сергей! Где ты был? Изадоре грустно, грустно!"

Есенин свирепо оглядел комнату. Затем, оттолкнув от себя Айседору, он бросился к своей бесценной собственности, заревев как сумасшедший:

"Мои чемоданы! Кто совал свой нос в мои чемоданы? Не смей трогать мои чемоданы! Я убью любого, кто тронет мои чемоданы! Мои чемоданы! А-а, мои чемоданы!"

Он несколько успокоился, когда они уверили его, что только хотели вынести чемоданы из комнаты, так как решили, что он уже не вернется. Потом он подошел к одному из них и, вынув из кармана бумажник с ключами и подобрав подходящий, он открыл кофр для одежды. Пока он доставал из него, что ему было нужно, подошедшая Айседора быстро вытащила что-то.

"Гляди-ка! Платье Изадоры!" - воскликнула она. Он вскочил и попытался вырвать его у нее, и между ними началось что-то вроде перетягивания каната. В конце концов он отпустил его, и Айседора бросила платье Ирме. Затем, проворнее, чем он, она бросилась к чемодану и выхватила из него что-то еще. Снова перетягивание каната взад-вперед, причем он кричал: "Это мое! Это моей сестре. Ты мне его дала в Париже. Это мое!" Айседора: "Нет! Нет! Это Ирме. Бедняжка Ирме: ни одного подарка из Парижа! Это подарок Ирме".

Тут он отпустил свой конец платья и поспешил запереть чемодан, пока еще что-нибудь не извлекли оттуда. Затем он сделал небольшой бумажный сверток, как и встарь, с рубашкой и туалетными принадлежностями, и собрался выйти из комнаты. Айседора встала перед ним и, глядя на него более строго, чем когда-либо ранее, сказала ему на своем ломаном русском языке, что если он опять уйдет, не сказав ей, куда и на сколько, то это будет конец. Она не желает опять проводить по три дня в тревоге о нем. И в любом случае она уезжает из Москвы этой ночью.

Он покинул комнату, недоверчиво смеясь. Позже, однако, в тот же вечер, перед самым отправлением Южного экспресса с Казанского вокзала, он появился на платформе. Он был совершенно трезв и улыбался. Каким-то одному ему известным образом узнав, с какого из многих московских вокзалов уезжает его жена, он пришел попрощаться. Тронутая его появлением, она попробовала уговорить его сесть в поезд. Ему нужно отдохнуть. Это будет ему полезно после всех волнений, связанных с возвращением.

Но он не дал себя уговорить. Он обещал приехать позже, возможно, в Крым, и пока не прозвенел последний колокол, они прощались друг с другом очень нежно, почти как если бы это было их первым расставанием. И Айседора продолжала махать своим шарфом, пока поезд совсем не скрылся из виду.

Из Крыма она телеграфировала своему блудному поэту-мужу, прося его присоединиться к ней в Ялте. Ответ не заставил себя долго ждать. Он гласил:

"Москва, 9 октября 1923 года. Не шлите больше телеграмм Есенину, он со мной и не приедет, вы должны понять, что он не вернется к вам. Галина Бениславская".

Этот ответ привел Айседору в бешенство. Она послала в ответ такую телеграмму: "Твоя прислуга сообщает мне, что ты съехал со своей прежней квартиры. Телеграфируй новый адрес немедленно. Изадора".

Вернувшись в Москву, Айседора приложила все усилия, чтобы увидеть упрямого поэта. Но его нигде не видели, ни на его прежней квартире, ни в его излюбленных кафе по Тверской; ни один из его друзей, по-видимому, не знал, что с ним случилось. И так продолжалось, пока он спустя некоторое время не появился на Пречистенке сам. Он, однако, был в таком состоянии и учинил такой скандал, что его друг, секретарь школы, выставил его из дома и написал ему письмо:

"...Не считаешь ли ты, что это дурной вкус - орать в комнате Изадоры при всем народе о своей любви с другой женщиной и как еще две забеременели от тебя? Что люди

думают о тебе, слыша все это? Единственная вина Изадоры - что она слишком хорошо к тебе относилась. Ты же вел себя как свинья. Сколько раз ты говорил мне, как ты любишь Изадору, но первое, что ты сделал, когда вы вернулись в Москву, - это оскорбил ее, опубликовав любовные стихи, посвященные другой женщине...

Я имел возможность видеть все, что Изадора для тебя сделала, но я не вижу, что твоя так называемая "любовь" сделала для нее. Я вижу только срам и ложь, которые ты приносишь, и после скандала прошлой ночью я могу только сказать тебе, что не желаю больше тебя видеть..."

Через некоторое время, когда однажды днем Айседора сидела в своей комнате с несколькими гостями, Есенин явился вновь - требовать свой бюст. Он громко требовал его сейчас же и наконец пьяным ворвался в комнату. Бюст, гениально вырезанный Коненковым из огромного куска дерева, стоял на высоком старинном шкафу в углу комнаты. Айседора просила Есенина прийти в другой раз, когда он будет более в состоянии нести его, но он приволок стул в угол и нетвердыми ногами взгромоздился на него. Однако когда он дотянулся до бюста трясущимися руками и схватил его, вес оказался слишком велик для него. Он зашатался и рухнул со стула, покотившись вверх тормашками на пол. Злобный и трясущийся, он поднялся на ноги и затем, пошатываясь, вышел из комнаты, крепко прижимая к груди свой деревянный образ.

Это был последний раз, когда Айседора Дункан видела своего мужа и поэта, Сергея Александровича Есенина.

1925 год окончился известием из России о смерти Есенина. Он покончил с собой в том самом номере ленинградского отеля, в котором он впервые останавливался с Айседорой. Кровью из вскрытой вены на левом запястье было написано стихотворение "До свиданья, друг мой, до свиданья". И, написав его неназванному другу, поэт повесился и был обнаружен мертвым на следующее утро служащими отеля...

В парижские газеты Айседора обратилась со следующим письмом:

"Известие о трагической смерти Есенина причинило мне глубочайшую боль. У него была молодость, красота, гений. Неудовлетворенный всеми этими дарами, его дерзкий дух стремился к недостижимому, и он желал, чтобы филистимляне пали пред ним ниц. Он уничтожил свое юное и прекрасное тело, но дух его вечно будет жить в душе русского народа и в душе всех, кто любит поэтов. Я категорически протестую против легкомысленных и недостоверных высказываний, опубликованных американской прессой в Париже. Между Есениным и мной никогда не было никаких ссор, и мы никогда не были разведены. Я оплакиваю его смерть с болью и отчаянием. Айседора Дункан".